

Салма Калък

16+

Анна и волки

Магический XVI век

Салма Кальк

Анна и волки

«Автор»

2017

Кальк С.

Анна и волки / С. Кальк — «Автор», 2017 — (Магический XVI век)

Анна живет в старом замке с отцом, мачехой и бабушкой. Она знает, что родные рано или поздно должны найти ей жениха, но пока не задумывается о том, кто же это будет. Ровно до тех пор, пока сама жизнь не решает этот вопрос стремительно и точно. Но что Анне делать с этим решением? Плыть по течению, не выходить из воли старших в семье или пытаться устроить свою жизнь самостоятельно?

Содержание

1. О родственных и семейных узах и о шитье платья в стеснённых обстоятельствах	6
2. О музыке, танцах, насекомых и драгоценностях	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Салма Кальк Анна и волки

*И с той стороны, где закат пламенел,
Шёл путник дорогой в соседний удел,
И песню о странствиях дальних он пел...
– О судьба, сколь извилист твой путь!
И голос услышал, что дивно звенел,
Что вдаль над рекою и лесом летел,
Что звал за собою вперёд, прочь от дел...
– О, позволь мне в пути отдохнуть.
(песня бродячего менестреля)*

*Плясать вы не пойдёте со мной, со мной, со мной,
И вашею не буду я женой!
(бессмертная классика)*

Солнце клонилось к закату, ещё немного, и скроется за верхушками Волчьего леса, за Воронью горку, канет в Змеиное болото. Вот-вот туман с реки укроет замок Ривертор, а потом и луна обольёт своим серебряным светом его башни. В последних солнечных лучах Анна вывела золочёную иглу на изнанку и закрепила нитку. Очередная жемчужина угнездилась на сером сукне, как будто тут всегда и была.

Ещё пара-тройка дней, и она завершит работу, к приезду мужа из столицы сможет надеть красивое новое платье.

«Новое платье на старый лад», – мысленно усмехнулась она.

Да-да, в основных тканях и в деталях отделки наряд повторял другой, который она сшила себе перед помолвкой – давно, уже более двадцати лет назад. Она тогда была юна и стройна, и в рыжих косах не было седины, и глаза смотрели на мир радостно и восторженно. Она шила платье к возвращению отца, а отец торопился прибыть домой к рождению наследника...

1. О родственниках и семейных узах и о шитье платья в стеснённых обстоятельствах

Юная Анна никогда не задумывалась, почему у неё нет братьев. Две старшие сестры – есть, и ей их более чем достаточно. Как принимать гостей – так Джейн или Фрэнсис, а как зажигать свечи в коридорах – так Анна! Да-да, Джейн умная, Фрэнсис красивая, Анна младшая. Просто Анна, которую можно попросить ну хоть о чём. Нет, в доме есть прислуга, всё-таки она дочь лорда, но бабушка, старая леди Анна, в честь которой её называли, не уставала повторять: хозяйка должна уметь проследить за любой работой в поместье, а значит, должна уметь выполнять её сама. Бабушке и захочешь – не возразишь, поэтому пойдёшь и сделаешь. Может быть, и вправду в жизни пригодится?

Шить Анна любила больше, чем заниматься хозяйством. Её даже сёстры, бывало, просили вышить новый интересный узор или расшить лиф и юбку блестящими бусинами. Она и свадебное платье для Джейн вышивала, и крестильную рубашку для её новорождённой дочки. И очень хотела уже что-то сделать для себя тоже. Но – отец был небогат.

Земли приносили очень мало дохода, замок нуждался в ремонте. И на детей одни только расходы! Сначала нужно было выдать замуж старших сестёр, вот их и одевали. Анна носила переделанные вещи покойной матери либо что-то, остававшееся от старших. Разве что сорочки у неё были собственные, украшенные самой тонкой вышивкой, на какую были способны её искусные руки.

Отец Анны, лорд Генри, очень печалился, что у него три дочери и ни одного сына. Очень уж хотелось ему передать земли сыну и наследнику, а не мужу дочери, как происходило в семье последние лет сто. Хотя сам он пришёл в семью как раз мужем прекрасной рыжеволосой леди Элизабет, единственной дочери и наследницы своего отца. Трёх дочерей родила она мужу, а сын умер, не прожив на белом свете и трёх дней. Ещё двух младенцев она не доносила до срока, и девушки-служанки шептались, что это тоже были мальчики. Девочки выживали, мальчики – нет. И бабушка, рассказывали, всегда многословно благодарила Господа, если рождалась девочка.

Но отец-то хотел сына!

И когда леди Элизабет после очередного выкидыша так и не встала с постели, он в сердцах высказал ей, что от неё, мол, нет никакого толку, она не дала ему наследника и пусть помирает, она ему больше не нужна. Тогда леди, рассказывали, собралась с силами и вежливо, но непреклонно сообщила лорду Генри, что, несмотря на неплохое происхождение, он был взят в семью без гроша за душой и только благодаря удачному браку все эти годы был не приживальщиком у более удачливых товарищей, а хозяином замка и земель. И если он об этом забыл, то ни к чему хорошему его это не приведёт. Сказала так и испустила дух.

Анне было тогда десять лет, сёстрам – тринадцать и пятнадцать.

Отец очень быстро женился снова. Леди Кэтрин была миловидна, бессловесна и никогда не перечила мужу. И детьми его нисколько не интересовалась. Но, прослышав о случившемся, в замок явилась мать леди Элизабет и сказала, что она намеревается здесь жить и лично приглядывать за внучками. Леди Анна-старшая к тому времени давно вдовела вторично, на ней были дела земель покойного супруга, но она заявила, что девочки важнее. И рьяно взялась за устройство их жизни.

Джейн вышла замуж, потом Фрэнсис вышла замуж. Пока обе они жили у своих мужей, но все знали, что Джейн – наследница, вместе со своим мужем Уильямом. А отец всё надеялся породить сына.

Леди Кэтрин была слаба здоровьем и никак не могла зачать ребёнка. Лорд Генри то робко надеялся, то ненавидел супругу; и только спустя пять долгих лет ей удалось забеременеть. Конечно, он был уверен, что ожидается мальчик. Супруга вынашивала ребёнка в поместье, а он отправился в столицу – ко двору за последними новостями. Обещал вернуться к уборке урожая, застрял до Дня Всех Святых.

Но ожидание сына сделало его более внимательным и к младшей дочери – он вдруг осознал, что Анне уже шестнадцать, семнадцатый пошёл, её тоже необходимо выдавать замуж, а она до сих пор не просватана! Бабушка зудела ему над ухом – мол, Анну необходимо просватать как можно раньше! И не просто просватать, а чтобы она сама очень хотела выйти замуж именно за того мужчину, который стал её женихом, а не за кого-нибудь другого. Отец отмахнулся и сказал – кого найдём, за того и пойдёт, как миленькая. Бабушка запиралась с ним в комнате и что-то ему доказывала, но, видимо, не доказала ничего.

И две недели назад от лорда Генри прибыл гонец с письмом – пусть Анна готовится к помолвке, он обо всём договорился. Её, Анны, руки попросил для себя его старый друг Уолтер, он приедет к ним и они обручатся с Анной.

Бабушка пришла в ярость, услышав об этом решении. Но не смогла толком объяснить Анне, почему. Сказала – она ещё мала и ничего не понимает. И всё удивлялась, что Генри-то взрослый, а так глуп!

Анна, честно говоря, не слишком задумывалась о замужестве. Знала, что это когда-нибудь произойдёт, слышала от прислуги разные сплетни и истории о том, что бывает между мужчиной и женщиной, но ни разу не была ни в кого влюблена. И ей, по большому счёту, было всё равно, кому отец отдаст её руку, тело и приданое.

Но отец прислал ещё и ткани на платья! И прямо указал – что-нибудь из неё дать ей, Анне, и пусть к его приезду сошьёт себе обновку.

* * *

Правда, на большую часть присланного богатства тут же наложила руку леди Кэтрин словами – нужно приданое для младенца, да и им с Генри неплохо бы обновить гардероб. Анна обиделась, пожаловалась бабушке, Кэтрин тоже обиделась... в итоге Анне достались два куска разного сукна. Один отрез был серый, как шерсть кота Мурра, что жил в господских покоях и по пятам ходил за Анной с утра до ночи, а второй – чёрный, как загривок мохнатой дворовой собаки, что недавно приблудилась к замковым охотникам в лесу и поселилась в дворовом сарае под лестницей. Ещё лён трёх цветов – белый, как снег, алый, как кровь, и чёрный, как ночь. И немного кружева и лент.

Анна думала-думала и придумала. Начинать нужно с сорочки. Белоснежное полотно легко раскроилось, тонкими шелковыми чёрными строчками на него легла вышивка. Шерстяные нитки она продёрнула сквозь дырочки в кружеве и обшила тем кружевом манжеты и вырез горловины.

Нижняя юбка получилась алая, как закат. И белые кружевные полосы легли точь-в-точь туда, куда было нужно, на ладонь от подола. Но к красной юбке понадобился красный корсет! А ткани оставалось немного – или корсет, или подкладка для лифа. Что делать?

Нужная мысль пришла ночью. Утром Анна подскочила ни свет ни заря, отправилась в матушкину кладовую и там нашла старую, многократно ношеную сорочку. Чуть темнее, чем юбка, но тоже из красного льна. Сорочка была отстирана и раскроена, более того, в том же сундуке нашлись и три полоски кружева, которые по длине идеально уместились на корсете. Металлические косточки были добыты из старого корсета Джейн. А в некоторых местах и вовсе сгодилась толстая верёвка!

Подушечку-бамролл Анна сделала не столько пышную, сколько длинную. Просто чтобы приподнять тяжёлую юбку сзади и немного на бёдрах.

После нижних вещей пришла очередь верхней юбки. Серо-чёрной, прямой спереди, складчатой сзади. Она получилась очень мягкая и тёплая, и хорошо, ведь зима не за горами. В пояс Анна вставила несколько слоёв льна, и полоской от матушкиной сорочки начисто обработала край, прежде чем пришивать к поясу толстые складки-картриджи. А дальше юбку нужно было украсить.

Из отцовских подарков Анне достался десяток локтей алой ленты. Пришить её по подолу в два ряда было делом недолгим. Отделочная строчка, выполненная красной шерстяной ниткой, легла на пол-ладони выше лент. Но хотелось красоты и богатства, хотелось, чтобы глаз было не отвести от неё в этом новом наряде, а где взять богатые украшения?

Однажды Анну брали на зиму в столицу. Они ездили с бабушкой и Фрэнсис, тогда сестра ещё не была просватана, и останавливались в доме дальних родственников – у бабушкиной племянницы леди Марии. Как поняла Анна, дела в том доме шли получше, чем у её отца, и денег от арендаторов было побольше. Во всяком случае, хозяйкина дочка Агнес хвасталась, что на её новую юбку материнская вышивальщица пришила тысячу речных жемчужин. Тысячи жемчужин у Анны не было. Не было, прямо скажем, и десятка. Были хорошие длинные бусы, оставшиеся от матушки, но не разбирать же их на юбку!

Ладно, об этом можно подумать позже, а пока пришёл черёд лифа. Дымчато-серого, с алой подкладкой. В разрезах длинных рукавов снизу покажутся манжеты сорочки. Горловину Анна обрезала тоже по сорочке – пусть будет видно кружево. На холодные дни она потом из обрезков сошьёт тёплый партлет, им и прикроет свою бледную и прозрачную, как у всех рыжеволосых, кожу.

Дни летели за днями, Анна не отрывалась от шитья. Вот уже готова и подкладка лифа с толстыми шнурами для плотности, и пара металлических косточек под застёжку припасена, и крючки на застёжку найдены. Ленты пришиты, видимо, остальную красоту она вышьет красными нитками. Но – позже. Ночь на дворе, спать пора.

Анна задула свечу и на ощупь отворила тяжёлую дверь в свою спальню. Из-за перегородки слышалось тяжёлое дыхание бабушки – та в последний год завела привычку спать с ней в одной комнате. Будто в замке покоев больше нет, можно подумать! Сторожит её, не иначе.

Впрочем, Анна была свято уверена, что захоти она прогуляться, подобно некоторым дворовым девушкам, на ближайший сеновал с пригожим гостем или с кем-то из челяди, никто бы не узнал. Но ей совсем этого не хотелось. Да и пригожих гостей как-то давненько уже не случалось.

* * *

Анна не успела глаз сомкнуть, как её затрясли за плечо. Что там ещё случилось? Неужели мачеха взялась рожать среди ночи?

Она открыла глаза и увидела тоненькую среброволосую девушку в старинном прямом платье, как будто сшитом из прозрачных лунных лучей.

– Вставай, вставай же, луна восходит, кто в такую ночь спит? Кто хотел расшить платье так, как ни одна девушка в округе? – смеялась странная ночная гостья.

– Тише ты, бабушка же здесь! – ещё не хватало, сейчас как проснётся да как даст затрепину, она может!

– Она не слышит нас, она крепко спит, – смех девушки звенел, как серебряный колокольчик. – Идём скорее, пока не зашла луна, нужно торопиться!

Анне стало интересно – куда её так настойчиво приглашают? Спустила ноги с кровати, нашла на ощупь кожаные башмачки, хотела завязать шнурки, но девушка потянула её за руку

к двери. Тогда Анна подхватила со стула плащ, набросила на плечи и как была в сорочке и башмаках на босу ногу, так и выскользнула за дверь.

Дверь даже и не подумала скрипеть.

– Куда мы идём? – как могла строго спросила гостью за дверью.

– Увидишь, – подмигнула гостья. – Где у вас самая густая паутина?

– Ну ты даёшь! – фыркнула Анна. – Какая у нас может быть паутина! Да бабушка убьёт на месте любую девчонку, если заметит неубранную паутину или, того хуже, паука!

– Думай, думай лучше! Луна скоро зайдёт, ты должна успеть!

– Под лестницами – нет... В кладовках только на неделе прибирались... В гостевых спальнях – тоже...

– Холодно! Думай дальше!

– Разве только на чердаке... – задумчиво сказала Анна. – Туда бабушка давно не поднималась, всё собирается, да никак не дойдёт.

– Теплее! Пойдём, проверим! – девушка схватила Анну за руку и потянула в сторону ближайшей лестницы на чердак.

Чердак был большим и отменно захламлённым, бабушкина нога не ступала здесь давно, а мачеха и вовсе никогда сюда не совалась. В углу громоздились старые сёдла и упряжь с серебряными накладками и тиснением. Рядом – прадедовы парадные доспехи и ещё какое-то ржавое железо. Гостья раздражённо фыркнула, глядя на эту грудку. С другой стороны – сундуки с каким-то старым хламом. Туда-то серебряная девушка и потянула Анну.

– Эй, не верти головой! Смотри! – она показала Анне на что-то у стены, в этот момент луна, глядящая сквозь окошко в крыше, зашла за облако... и девушка исчезла.

Анна не успела удивиться, как кто-то снова затряс её за плечо.

– Анна! Да Анна же! Вставай, засоня! – бабушка, абсолютно реальная бабушка, а никакая не девушка из лунного света, будила её, ибо начинался новый день.

2. О музыке, танцах, насекомых и драгоценностях

Анна верила подобным снам. Однажды, в далёком детстве, в таком сне ей явилась девочка её возраста и помогла найти ключ от материнского сундука, который Анна взяла поиграть и выронила во дворе. Позже, года три назад, серебристая девчонка, похожая на нынешнюю, привела её под толстое дерево на берегу речки, где дворовые девушки в запруде полоскали бельё. Там, в ямке между корнями, лежали ни много ни мало золочёные иглы, бережно завернутые в кусок тонкой кожи. Иглы были разные – и толстые с широким ушком, и тоненькие для бисера и жемчуга, и обычные, которыми шить ткань. С тех пор Анна других в руки и не брала, а этими очень дорожила и берегла, как самое большое сокровище. Ни одну иглу не потеряла.

Поэтому она поднялась, умылась, выпила кружку молока с корочкой свежего хлеба и отправилась на чердак. Бабушке сказала, что хочет там поискать ещё материалов для платья – вдруг что-то старое, но годное найдётся, крючок или пуговица? Бабушка одобрила и наказала попутно смести пыль и паутину хотя бы с самых больших сундуков.

Анна любила чердак. Да, пыльно, да, чёрт ногу сломит, но как же здесь было интересно! Она могла часами сидеть и перебирать старые вещи, пока мать, мачеха или бабушка не спохватывались – где это её носит, не находили её и не приставляли к какому-нибудь делу. И сейчас она подхватила ведро с водой, тряпку и веник, и, распевая песню о рыцаре, который стал вечно сонным, потому что отверг любовь могущественной ведьмы, отправилась на поиски неведомого. А всем встреченным отвечала, что бабушка отправила её бороться с пауками на чердаке.

Да, на чердаке хватало и хлама, и пыли, и пауков. Хлам величественно лежал, пыль громозилась, а пауки разбегались от звуков шагов и от песни. Анна решила сначала выполнить поручение, а там уже и поискать, где паутина погуще. Она тщательно промела все сундуки, кое-какие помыла, а попутно вспомнила ещё несколько песен, которые не любила бабушка и всегда шипела на неё, что негоже такое петь. Сильнее всего старая леди не любила истории про ведьм, призраков, фей из-под холмов и разные чудеса, чуть менее – про людскую любовь, а чтобы ей угодить, нужно было спеть что-нибудь духовного содержания. Юная же Анна ценила в песне красивую мелодию и отточенный запоминающийся стих. И очень любила длинные баллады с затейливым сюжетом. Сейчас её никто не слышал, и можно было петь в своё удовольствие.

Мать считала, что дочерям лорда необходимо уметь не только управляться с хозяйством, но и развлекать домочадцев и гостей подобающим леди образом. Поэтому и Джейн, и Фрэнсис, и Анну учили читать, играть на лютне, петь и танцевать. Грамотой и языками с девочками занимался специально приглашённый учитель из университета. Он был требователен и строг, и девочки довольно быстро научились разбирать древнеимперские, английские и франкские тексты. Читать жития святых было скучно, исторические хроники оказывались немного интереснее, но самое нудным, что только можно было вообразить, оказались приходно-расходные книги поместья. Однако им пришлось научиться читать и это, причём нередко не только записанные факты, но и то, что было скрыто между строк.

Для обучения музыке в замок пригласили господина Доу из столицы. Он прибыл с лютней, двумя флейтами и небольшим барабаном, а также с пачкой нот. Из трёх учениц Фрэнсис оказалась способной разве что к отбиванию несложного ритма, Джейн освоила простые гармонии на лютне, а больше всех по душе музыка пришлась Анне. Она тянула руки и к лютне, и к флейтам, и к барабану, и вскоре уже им удавалось даже играть вчетвером аккомпанемент к простым песням. Петь нравилось всем троим. Фрэнсис доставала до самых высоких нот звонко и тонко, Джейн поддерживала её вторым голосом, но самый большой диапазон оказался у Анны. Хорошо распевшись, она могла петь вместе с Фрэнсис, но могла и довольно низко. Настав-

ник предсказывал ей в зрелости красивый голос с богатым тембром – если не бросит музыку, конечно. К сожалению, после того, как Джейн вышла замуж и уехала, уехал и господин Доу. Занятия прекратились. Но уезжая, он оставил Анне свою лютню и одну из флейт, и это очень сильно скрашивало её жизнь.

Она научилась не только играть, но и придумывать мелодии на любимые стихи. Но собственных песен никогда никому не показывала.

С танцами девочкам тоже повезло. Однажды отец привёз в замок гостя – это оказался франкиец господин Ожье. Он не походил на местных жителей, был черноволосым, невысоким и толстеньким, и при этом таким проворным, что многим молодым и худым оставалось только смотреть и завидовать. Необыкновенно разговорчивый, чтобы не сказать болтливый, он без устали отпускал комплименты всем женщинам в замке и божественно танцевал. Он научил девочек ходить в церемонной паване и лёгкой живой аллеманде, рассказал про бранли и долго тренировал их танцевать гальярду и вольту. Если с первыми вопросов и сложностей не возникало, то гальярда оказалась ох какой непростой!

Сначала Анна всё время думала, что ног у неё не две, а три или четыре, и каждая идёт в свою сторону. Потом основной шаг уложился в характерный ритм, но господин Ожье хитро глянул и сказал, что им дело не ограничивается! Есть ещё множество вариаций, и каждая из них бывает с любой ноги, и это была просто паника, ибо если даже с одной ноги вариация исполнялась, то вывернуть её зеркально и станцевать с другой ноги в другую сторону с первого раза не удавалось никогда. Позже выяснилось, что в шаге может быть не пять движений, а одиннадцать, или семнадцать, или – спаси Господи! – двадцать три.

А потом в один прекрасный день всё вдруг раз! – и сложилось. Ноги оказались на месте, их было две, как то человеку свыше и положено, и каждая делала то, чего от неё хотели. Корпус вертелся нужное количество раз с нужной скоростью, а господин Доу радостно сказал, что наконец-то он сможет исполнять музыку в том темпе, как написано, а не подстраиваясь под неповоротливых девчонок!

Господин Ожье удовлетворённо потёр руки и приступил к объяснению вольты и вольтовых прыжков. По очереди он подходил к каждой из девочек и показывал, как опираться руками на плечи кавалера, как собирать корпус в прыжке, как прыгать, как правильно приземляться, чтобы не отбить себе пятки. А потом подхватывал их по очереди, и они летели к самому потолку. Или к небесам.

Нужно ли говорить, что и вольта девочкам тоже покорила?

С тех пор на каждом приёме гостей устраивали танцы. Звали музыкантов, и сначала все чинно ходили в паване, потом разгонялись на бранлях, а позже приходила очередь новых мелодий для гальярд и вольты. Поговаривали, что вольта – любимый танец королевы, значит, и никому другому не зазорно его танцевать! Сестрица Джейн на собственной свадьбе так отплясывала со своим Уильямом, что чуть не задела причёской свечи в люстре.

Уж наверное, отец позовёт гостей отмечать рождение наследника! Хорошо бы позвал приличных музыкантов, чтобы и спели что-нибудь новенькое, и сыграли какие-нибудь неизвестные мелодии.

За песнями и размышлениями Анна не заметила, как добралась до самого большого сундука. Почему-то он стоял не вплотную к стене, и она заглянула в щель между ним и стеной. Божечки мои, вот бабушка-то не видит!

Такой отменно плотной паутины она не встречала, пожалуй, никогда в жизни. И пауки там ходили крупные, наглые, ничего не боявшиеся – конечно, они ни веника, ни тряпки в глаза не видели, чего им бояться! Анна зажмурилась, прицелилась и со всего размаху вылила остатки воды из ведра прямо в паутину.

Конечно, всё не смыла, но хотя бы твари разбежались. Она взяла веник и смахнула остатки на одну сторону. И – о диво! – на полу стояла деревянная шкатулка.

Именно она не позволяла придвинуть сундук вплотную к стене и оказалась невольной причиной появления паучьей деревни. Как сказала девушка во сне? – иди туда, где паутина гуще всего! Неужели она говорила именно об этой шкатулке? Что же в ней?

Шкатулка не запиралась, крышка с некоторым скрипом поднялась. Внутри Анна с удивлением увидела старые, непригодные к ношению украшения. Порванные бусы – жемчужные, янтарные, яшмовые, сердоликовые, и ещё из какого-то неизвестного ей камня, серьги без застёжек и крючков, кольца с выпавшими камнями, застёжки с гнутыми булавками, погнутый браслет, серебряный пояс с огромным чёрным камнем в пряжке и сломанными звеньями.

Да, это было оно. То самое богатство, которого ей не хватало для завершения трудов. Анна решительно вытерла пыль со шкатулки, собрала тряпкой с пола воду, подхватила веник и отправилась вниз.

Шкатулку она никому не показала, просто поставила в своей рабочей комнате. Бабушке сказала, что погубила целое поселение пауков, и бабушка похвалила её за старание. И разрешила после обеда пойти шить.

* * *

После обеда Анна помчалась в свою комнату, перепрыгивая через две ступеньки на лестнице. Бабушка хотела поймать и напомнить, что леди так по лестницам не ходит, но куда ей! Только Анну и видели.

Она закрыла за собой дверь и разложила на столе у окна недошитый лиф. Да, если вот здесь, вдоль застёжки, по центру, пришить вот эти бусины...

Процесс захватил её без остатка. Сначала она разложила на ткани речные жемчужины – это был браслет и небольшая нитка на шею. Потом нашла в куче две старые серебряные серёжки с яшмовыми бордовыми кабошонами и положила каждую меж уже пришитых алых лент. Вокруг – серо-зелёная яшма, янтарь, жемчуг, сердолик. Как на старинной чаше, что стоит на камине в гостиной и передаётся в их роду из поколения в поколение уже не одну сотню лет! Только чаша была золотая, украшенная крупным ровным жемчугом, двумя сапфирами, рубином и изумрудом. Отец однажды порывался отдать её в залог за что-то там, но бабушка его чуть на месте не убила, и больше он на эту чашу глаз не поднимал.

Жемчуг, доставшийся Анне, был не особенно ровный, но отливал на солнце перламутром, янтарные же бусины были прозрачны, как капли дорогого золотого вина из отцовского погреба. А самыми приятными на ощупь оказался сердолик – бусины разного цвета от тёмно-красного, почти коричневого, до прозрачного золотисто-белого, с полосками, прожилками, вкраплениями – но все ровные, изумительно гладкие, и если хотя бы мгновение подержать их в ладони – становились тёплыми на ощупь. Их хотелось пришить вот прямо везде, но Анна сдержалась. Жемчуг – статусный камень, начинаем с него, остальное потом. А сердолики вплетём в узор, а потом вот ещё хорошее место – на рукавах, укрепить разрезы. Вместо серебряных пуговичек – их всё равно нет.

А хорошая песня только помогает и придумывать, и пришивать. Как и золотая игла.

Анна не замечала часов, стало совсем темно – она зажгла свечи и вздрогнула от испуга, когда дверь со скрипом отворилась и на пороге появилась бабушка.

– Анна, дитя, ты в порядке? Ты здорова?

Что это с бабушкой? Почему она не ругается, ведь, судя по всему, Анна пропустила всё, что только можно – и ужин, и вечерние молитвы, и ещё что-нибудь.

– Да, бабушка, я здорова. Со мной всё в порядке. Вы позволили мне удалиться и шить, я удалилась и шью.

– Ты пугаешь меня, дитя. Ты никогда не пропускала вечернюю трапезу!

Это правда, Анна всегда отличалась от сестёр хорошим аппетитом.

– Бабушка, я увлеклась, – опустила глаза Анна.

– Ну-ка, покажи, чем это ты увлеклась? – строго спросила бабушка и подошла к столу. Анна поняла, что придётся признаться, и отступила.

– Вот, посмотрите.

Бабушка посмотрела на стол, на Анну, ещё раз на стол... потом села и тяжело оперлась на столешницу.

– Ты где это взяла, признавайся? – а сама бледная-бледная.

Интересно, что она подумала? Уж явно не то, что Анна пошла молиться, и ей Господь дал всё, что она попросила. И не то, что было на самом деле.

– Бабушка, я ни с кем не спала и никого не грабила.

– Понимаю, – кивнула она. – Откуда тогда?

Понемногу к бабушке возвращался её обычный грозный вид.

– Видите шкатулку? Я получила её в честном бою, – Анна решила подурачиться. Такое у неё было сейчас настроение – море по колено.

– Что? – намурилась бабушка.

– Я доблестно сражалась с полчищем огромных пауков в недрах чердака, они были мохнаты и злы, и угрожающе шевелили лапами, и каждый норовил укусить меня за ногу, но я победила их при помощи ведра воды и моего верного веника! И мне достался ценный приз – шкатулка, которую они охраняли не одно десятилетие! – Анна взяла со стола старый ящичек и с поклоном подала его бабушке.

– Что? Шкатулка моей матери? – бабушка взяла её и открыла. – Да, я помню эту брошь, и эти серьги... а вот в этом кольце была недурная жемчужина, она потерялась, к сожалению...

– Это шкатулка леди Элеанор, моей прабабушки? – восхитилась Анна.

– Точно. Никто уже и не помнил о ней. Пришивай, деточка, всё правильно, – бабушка вернула шкатулку Анне. – Всё равно этот олух, твой отец, не может тебя как надо ни одеть, ни украсить, дай-то бог, чтобы хотя бы муж у тебя оказался неглупый и не скупой! А если Кэтрин тебе хоть слово скажет – так не её это драгоценности, а мои, если уж на то пошло, и я отдаю их тебе.

– Спасибо, бабушка, – Анна так обрадовалась разрешению сомнительной ситуации, что обняла бабушку и расцеловала.

Потом опомнилась и поцеловала руку.

– А сейчас ступай спать, ясно? – сказала старая леди.

– Да, бабушка, – Анна закрепила нитку, задула свечи и пошла за ней в спальню.

* * *

У Анны получилось самое лучшее платье на всём белом свете. Нет, иная дама непременно бы наморщила нос – и камней маловато, и вышивки, и ткань самая простая. Но в столицу её никто не везёт, ко двору представлять не собираются, ей в замке зимовать, здесь снег и холодно, поэтому и камней достаточно, и о лишней паре тёплых чулок не забыть бы.

Следом за лифом пришла очередь чепца. Сверху Анна сделала его чёрным, а изнутри белым, с изящным полукруглым хвостом, который надо лбом приколола драгоценной булавкой из той же шкатулки.

И осталось только вышить юбку! Кэтрин сама ли расщедрилась, или её бабушка надумила – Анна не поняла, но ей перепал небольшой моточек серебряной нити. Точь-в-точь как лунные лучи сквозь решётку окна! Рисунок она подсмотрела на платье одной очень знатной дамы, которая летом проезжала со свитой через их края в свои владения на север. Тогда сразу же зарисовала его углем на стене в неприметном месте рабочей комнаты, вот и пригодился!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.